

ТОТ, КТО ПРИДЕТ ОТОМСТИТЬ

[illegible]

Ирина Игоревна Лобусова

Тот, кто придет отомстить

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21240100
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Он приходит, когда ты не ждешь. Он приходит воплощением ужаса темноты. Он приходит забрать твою душу, чтобы заставить платить. Оглянись на свое прошлое! Может быть, за тобой уже охотится тот, кто придет отомстить? Серии загадочных страшных убийств и непонятных, мистических происшествий ввергают город в состояние ужаса. Что может быть общего между рухнувшим аварийным домом, погребающим под камнями живых людей и зверским убийством известного бизнесмена, болезнью непонятного происхождения водителя такси и убийством священника в кладбищенской церкви сектой сатанистов, исчезновением из могилы тела умершего знаменитого танцовщика и облавой на плантации наркоторговцев, смертью на кладбище в пещерах крестоносцев в сердце Израиля – древнем городе Яффе? На первый взгляд, нет никакой связи, но на самом деле эта связь оказывается прочнейшей цепью, тянущейся из далекого прошлого вековой давности и трагическими событиями времен Великой Отечественной войны, разрушившими несколько людских жизней... И за всем этим тянется темная тень ужаса таинственного, мистического существа, которое приходит из

старинных легенд, чтобы выполнить одновременно роль палача и судьи. И неизвестно, кто внушает большой ужас – загадочный убийца или его виновные жертвы.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
НАШЕ ВРЕМЯ	11
1	11
2	20
3	29
4	37
5	42
6	49
7	56
8	62
9	66
10	75
11	78
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Ирина Лобусова ТОТ, КТО ПРИДЕТ ОТОМСТИТЬ

*Посвящаю этот роман светлой памяти моей
Мамы – Лобусовой Татьяны Дмитриевны*

ПРЕДИСЛОВИЕ

1948 ГОД

- Он умер?
- Пока еще нет.
- Но умрет?
- Неизвестно. Хотя, скорей всего... Умрет, наверное.

Распростертое серое тело подростка не подавало признаков жизни. Двое врачей, склонившихся над больничной койкой барака, всматривались в неподвижное, беспамятное лицо с заострившимися чертами, на котором уже оставила свой отпечаток близкая смерть.

В бараке стоял ледяной холод. Сквозь щели в крыше прямо в помещение падал снег, оставляя на дощатом полу грязные лужи, к рассвету покрывавшиеся хрупкой корочкой льда.

Здание детского дома в центре города разбомбили, и детский дом был временно помещен в бывшую графскую усадьбу за пределами города, полуразрушенное здание которой не имело элементарных удобств. В длинном бараке за домом, там, где раньше были графские конюшни, находился лазарет. Это был не совсем обычный лазарет. В больничные палаты в самом доме помещали тех воспитанников, кто, свалившись с обычной простудой, еще имел шанс выжить. В барак помещали умирающих.

Худенький подросток на последней койке, возле самой стены, не подавал признаков жизни. Даже дыхание его превратилось в тихую, прерывистую нить — дыхание человека, уже находящегося в сфере между жизнью и смертью. Тусклая 20-ватная лампочка под потолком бросала тень на лицо умирающего. И в этом мрачном, ничего не освещающем свете казалось, что он уже близок к тому небесному спокойствию и безмятежности, которые часто дарит вечный покой.

Было далеко за полночь. Врач детского дома вызвал своего коллегу — хирурга из города, хотя из принципа очень редко обращался за советом к другим врачам. В детдоме, где не было ни лекарств, ни элементарных удобств, где отступающая вражеская армия оставила брюшной тиф, туберкулез, дизентерию, где все воспитанники жили впроголодь, потому, что в городе не хватало еды — он творил чудеса, этот старый, отчаявшийся в жизни доктор. Он привык оставаться один на один со смертью, и знал, что в поединке с чужой судьбой ему

вряд ли кто-то сможет помочь. Он справлялся с дизентерией и тифом в одиночку, не обращаясь к другим врачам... Но с мальчиком был другой случай. Он не мог бы даже сказать, что именно было в нем, в этом мальчике, почему он не мог дать ему умереть... Но только вечером, когда были уже испытаны все доступные и привычные средства, он одолжил в селе старую подводку с тощей клячей, медленно подышающей от голода (как и все обитатели детского дома). И помчался в город за бывшим однокашником, медицинским светилом, который, как и он, пережил эту войну.

Было далеко за полночь, когда два врача склонились над умирающим. Внутри в тот час больше не было никого – тишину нарушала лишь воющая за стенами метель.

– Он умер? – голос врача детского дома дрогнул.

– Пока еще нет, – его друг и коллега пощупал у умирающего пульс, и, оттянув белые веки, осмотрел глазные яблоки.

– Но умрет?

– Неизвестно. Хотя, скорей всего... Наверное, умрет. Странно, что он не умер до сих пор! По всем признакам...

– Я сделал все, что мог, и когда я бросился за тобой, кровотечение уже остановилось...

– Этой остановкой кровотечения ты спас ему жизнь, – врач, приехавший из города, с ужасом осмотрел убогую обстановку барака, – боже мой... боже мой... Мы пережили такую страшную войну, чтобы терять детей вот теперь... в таком вот... Здесь...

Врач детского дома пожал плечами: он знал страшную истину лучше, чем его пораженный коллега... Детский дом, даже самый убогий, не был самым страшным, что подстерегало теперь. Вслед за сиротством и смертью пришла беспризорность.

– Как, ты говоришь, его фамилия?

Врач детского дома назвал. Коллега удивленно вскинул глаза:

– Еврей? Ну, тогда выживет! Эти живучи... А как он, собственно, остался?

– Я знаю, что он выжил один. Всю его семью уничтожили.

– Это понятно. Выходит, счастливый...

Оба знали, что творилось в городе после прихода немцев. Рядом с деревней еще не были засыпаны страшные рвы... А в городе почти не осталось евреев.

– Я не очень понял по дороге... Ты рассказал мне так сбивчиво, в спешке... Что именно произошло с ним?

Врач детского дома немного замялся, затем ответил, неожиданно четко выговаривая слова:

– Его кастрировали. Свора малолетних бандитов отрезали ему бритвой половой член. Начитанные, сволочи... Сказали, что сделали это в насмешку над обрезанием. Их подобрали с улицы несколько месяцев назад. Беспризорщина...

– Боже мой... – хирург содрогнулся, – но милиция...

– Да было все, конечно... Милиция, следовательно. В колонию их отправят, да что толку... Они, как появились здесь,

сразу стали причинять много хлопот. Сколотились в банду, отбирали у младших еду, мелочь. Этого сразу не взлюбили. Били при всяком случае, издевались. Он ведь был мальчик начитанный, культурный... Сплошная интеллигенция, не то что эти, быдло... Говорили, что он из семьи музыкантов. Ну вот они и решили такое с ним сотворить. Вычитал один из них, гад, что у евреев принято обрезание. Вот они и сделали это как бы в насмешку. Когда их в милиции допрашивали – сказали «хотели, мол, пошутить... над ним посмеяться...». Я когда его увидел в коридоре за спортзалом, думал, ума лишусь... А он уже не кричал, только глаза были такие широкие, все в небо смотрел... Окостенел совсем от болевого шока... Я думал, уже и не выведу... Под рукой ничего такого особого не было. Рану пришлось почти живую шить, чтобы закрыть сосуды... Как этих поддонков забрали, я уже и не видел. Мне потом учителя рассказали. А у меня и мыслей-то никаких не было, я словно впал в ступор. Вроде, врач, и умирающих детей на руках держал, и на фронте был, но такое... Такое, когда оно происходит, по- другому заставляет взглянуть на мир. Я ведь уже и забыл, кто там по национальности был – все, вроде, одинаково страдали, для всех беда была большой, общей... Мы ведь про национальности-то вспомнили только тогда, когда немцы в город вошли... Национальность – это только для фашистов первое дело. А теперь... Не знаю, что и думать теперь... Страшно как-то... На душе тоскливо...

Врач замолчал. Его коллега молчал тоже. Только было слышно, как за стенами барака воет метель, да лампочка, раскачиваясь на шнуре, издавала унылые, скрипящие звуки.

– Я тут кое- какие препараты из города захватил, – его приятель- хирург опустил глаза, – прислали для партаппарата, в ЦК, так я позаимствовал. Думаю, ему они нужнее сейчас будут... Антибиотики импортные, антисептики... Ты дверь-то на замок, на всякий случай, запри. Ночь длинная, мало ли кто может войти. И- приступим.

НАШЕ ВРЕМЯ

1

Свечи оплавилась и потекли на скатерть. Пятна красного воска были похожи на кровь. Догорающие свечи вернули ее к реальности, ударили больно, открывая глаза. Он не придет. Бесплезно надеяться. Ледяной ужин безнадежно испорчен. Свечи почти сгорели. Он не придет. Не придет.

Собственно, так было всегда. В первые месяцы их бра-ка он еще утруждал себя звонком. Тратил свои усилия на несколько кнопок в мобильнике, чтобы нажать и произнести скороговоркой, быстро-быстро, как говорил в суде, «извини дорогая вырваться не получится куча дел в офисе готовлю документы в суд так что на сегодня отбой пока». Быстро-быстро. Как пулеметная очередь. Слова оставляли в ней пулевые отверстия. Пробивали по-живому броню, которой она специально прикрывалась от себя – чтобы его защищать.

Оправданием его, только оправданием его поступков и слов она и занималась по-настоящему – все месяцы, плавно переходящие в годы. Она бы все оправдала. Но только быстрые выстрелы его слов пробивали ее броню. С каждым прожитым месяцем их было все больше и больше- пулевых ран в ее сердце. И раны эти все продолжали болеть.

А потом слова прекратились. Произошло это как-то естественно, так же привычно, как раньше выплескивались слова. Просто не пришел ночевать- однажды. Потом вернулся в 4 утра, «благоухая» крепким виски на всю квартиру. Через неделю пропустил важное для обоих торжество. А еще через пару дней- забыл забрать ее из офиса, чтобы вместе поужинать, как они делали раньше, в первые месяцы совместной жизни. Забыл. Не пришел. Не позвонил. Пропустил. Так и пошло.

Только этот день был особенным. Этот день был третьей годовщиной их свадьбы, третьим годом совместной жизни. Они договаривались провести вечер вместе. Заранее договорились, что ни знакомых, ни родственников не будет. Только двое. Так, как они проводили вечера прежде. Он. И она.

Обхватив голову руками, она почти упала на стол, в красные пятна оплывших свечей, похожих на кровавые раны. Пулевые отверстия в сердце, которые не удастся заживить – несмотря ни на что.

Эти три года дали ей многое. Счастливый брак с преуспевающим юристом, частная практика которого за эти три года расцвела самым буйным цветом, превратившись почти в золотое дно. Превращение в хорошего адвоката из тонконогой студентки юридического факультета, смотрящей буквально в рот молодому, но преуспевающему наставнику, мастеру в офисном праве, которого пригласили на факультет в частном порядке, чтобы прочитав несколько лекций. Смотря-

щей так пристально и так серьезно ловящей каждое слово, что в очень скором, вполне обозримом будущем она стала его женой.

Все были в восторге – дальние родственники, однокурсники, друзья и общие приятели. Все поздравляли ее и страшно завидовали. Все, кроме одного человека. Мнение же этого человека было для нее важнее всего. Тогда, после того, как на крыльях она влетела в квартиру, чтобы сообщить радостную новость, он усадил ее перед собой.

– Алина, ты делаешь ошибку. Ты делаешь серьезную ошибку, Алина. И не дай Бог, чтобы тебе слишком дорого не пришлось заплатить за нее.

– Да ты что!.. Да я... Да он... – она буквально захлебнулась в эмоциях, аж задохнулась от нахлынувших чувств так, что не смогла возражать внятно. Как же... Он...

– Видишь ли, я скажу по простому: чтобы брак был счастливым, муж и жена должны быть из одного теста. Они должны быть вместе, всегда вместе, а не порознь. Должно быть так, что напоминает детские волшебные сказки- уверенность в том, что когда станет плохо, этот человек придет, обязательно придет, несмотря ни на что. Когда тебе хорошо, быть с тобой захотят многие, это никакой проблемы не составляет. А вот тот, кто придет, когда тебе плохо- и есть самый драгоценный дар. Обычно люди очень сильно заиклены на себе, им нет дела до других людей. Этот, твой офисный, не исключение. Он так занят своими делами, что не помнит, на

каком свете живет. Это нужно, важно, и всё такое... Но придет ли он, когда тебе понадобится помощь? Оставит ли ради тебя все свои дела? Вот такой человек, который будет рядом с тобой в любую беду, тот, кто придет, когда тебе плохо, и есть самый настоящий муж. Только таким и может быть брак- а не то, на что ты идешь.

Тогда она не поняла этих слов. Тогда они вызвали в ней почти ненависть, страшную волну раздражения. Она еще думала, нет, мол, такой проблемы, с которой не смогла бы справиться сама.

Но потом пошли месяцы- месяцы, переходящие в годы, и слова эти, вызвавшие такой негатив, стали звучать в ней все чаще, и чаще. Слова единственного человека, мнением которого она дорожила. Слова папы. Слова самого дорогого в мире, ее единственного любимого в мире отца.

И вот теперь, в полночь страшной ночи третьей годовщины их свадьбы, слова эти, сказанные давно, зазвучали в ней с новой силой. Невероятным усилием воли она заставила отца замолчать. В конце концов, те слова слушала девчонка, сопливая студентка, сходящая с ума от самого главного в мире счастья. Сейчас же, в темной кухне, была адвокат серьезной юридической фирмы, хороший, преуспевающий, разумный адвокат, умеющий отбросить в сторону все эмоции, все лишнее, и стать четкой, холодной, логичной. То есть абсолютно такой, как ни за что не получалось сейчас.

Салаты покрылись неопрятной пленкой воды, и вид у

них стал не привлекательный, мятый. Она готовила их сама. В 5 вечера, пораньше отпросившись с работы, чтобы собственными силами приготовить праздничный романтический ужин. Она начала с салатов. В 5 часов вечера. Сейчас же на часах была почти полночь. Не мудрено, что салаты испортились и потекли, покрывшись водой.

Медленно, действуя, как в полусне, она спустила эти салаты в унитаз, прекрасно понимая, что ни за что на свете не сможет к ним прикоснуться. Он должен был прийти в 6 часов вечера. Она специально перезвонила ему, чтобы напомнить, и он сам сказал, что придет к 6 часам вечера. Сейчас же на часах была полночь. И он не пришел.

Ее затошнило от вида унитаза, чьи стенки были перепачканы остатками овощей, подтаявшим майонезом. Она нажала слив, и резкий звук спускаемой воды причинил такую боль, словно ее ударили ножом. В этом был какой-то смысл, какой-то страшный символ. В унитаз остатки ее искалеченной жизни. Все, что осталось от ее волшебных сказок, и от ее семьи, ушло именно туда.

Ей страшно захотелось кричать. И, чтобы этого не сделать, она потянулась к мобильнику, спасительному средству от одиночества.

– Папа... Это я... – слезы подступили к глазам.

– Малыш, ты плачешь, – голос ее отца звучал грустно. Он не хотел признаваться ей, но в последнее время почти привык к ее непролитым слезам.

– Нет, не плачу, – она взяла себя в руки колоссальным усилием воли, – все в порядке. Это скоро пройдет.

– Он не пришел, так?

– Он... Его задержали в офисе... Срочные дела... Сказал, что никак не сможет вырваться...

– Срочные дела? Сегодня? – папа прекрасно знал, что сегодня за день, так как утром ее поздравлял, – он тебе позвонил?

– Ну да.

– Это не правда. Ничего он не позвонил. А ты сидишь в квартире и ждешь. Одна. Холодный ужин испорчен. Думаю, ты выбросишь его в унитаз.

– Папа, я... Я запуталась, папа.

– Я понимаю, малыш. Ты только не плачь. Ты сейчас возьми себя в руки, хотя бы до утра, ладно? А утром мы с тобой обязательно поговорим. Мы найдем выход, вот увидишь. Все будет хорошо. Ты не волнуйся. Только дождись меня. Дождись утра.

– Ты на работе, папа?

– Да, сегодня решил взять лишнее дежурство. Чего одному дома сидеть, а тут хороший человек попросил помочь.

Ее отец был шофером такси. Он провел за рулем всю свою жизнь. Но мечтал не об этом. Мечтал быть следователем – не получилось. Именно из-за отца она пошла на юридический – с детства живущая в мире его рассказов, и мечтающая ездить с опергруппой так, как когда-то мечтал он.

Работа ее отца стала первой точкой преткновения с мужем и самой первой причиной их серьезной ссоры, после которой у нее на многое раскрылись глаза.

Однажды, поспорив из-за какого-то пустяка, он ударил ее по самому больному месту, став смеяться над работой ее отца. Не стесняясь в выражениях и не подбирая особо слов, он смеялся над ее низким происхождением, над низким уровнем работы ее родителей (отец работал таксистом, а мама - в больнице, медсестрой). Он проявлял себя самым отвратительным снобом, унижая ее тем, в чем она не могла быть виновата, причиняя самую ужасную боль.

Его родители оба были чиновниками высокого ранга, оба были докторами наук и всю жизнь работали на высоких государственных должностях. Они так и не приняли ее, не пожелав даже явиться на их свадьбу, и в разговорах с сыном никогда не упоминая ее имени так, как будто она просто не могла существовать. Это страшно ее ранило. Он же, смеясь, говорил, чтобы она просто не брала в голову.

И вот вдруг выяснилось, что точно так же думал и он сам. После той ссоры она рыдала несколько часов, одна, в пустой квартире, зная, что никогда в жизни не посмеет рассказать об этом отцу. После смерти мамы (а мама умерла, когда она закончила школу), она сблизилась с отцом настолько, что более близкого, более родного человека для нее не могло и существовать. Он делал для нее все - и для поступления в университет, и вообще для того, чтобы она была счастливой.

И оскорбления, нанесенного ее семье, она просто не смогла ему передать.

Но отец догадывался о чем-то подобном, потому, что всегда испытывал страшное напряжение в присутствии зятя. Особенно, когда видел глубоко скрытое, затаенное страдание в ее глазах.

– Тяжелая ночь? – она старалась говорить ровно, но это плохо получалось. В конце концов, она могла и не притворяться, прекрасно зная, что отца не удастся обмануть.

– Да ничего страшного, вроде... Ой, тут вызов есть, надо ехать. Меня уже зовут. Я тебя очень прошу- дождись утра! Утром я приеду домой, и смогу нормально говорить.

– Я дождусь, папа.

– Я люблю тебя, малышка. Не вешай нос! Все будет хорошо. Ты моя сказочная фея, у тебя просто не может быть по-другому. Вот увидишь, малыш, к тебе явится твой принц. Тот, кто придет. И все обязательно будет хорошо! Целую тебя, малыш!

– Я люблю тебя, папа. Очень сильно тебя люблю... – по ее щекам потекли слезы, но отец уже успел нажать отбой. Теперь она могла плакать, не сдерживаясь. Поцеловав телефон, она бросила его на стол.

Слезы все текли по ее щекам. Она плакала о маленькой девочке, для которой жизнь казалась прекрасной, розовой сказкой, где существует волшебный принц, который не предаст никогда.

Папа всегда называл ее сказочной феей, несмотря на то, что она давно не была такой. Но его теплый голос так же, как и эти ласковые слова, возвращали ее прямиком в детство.

— Я люблю тебя, папа... — повторила уже молчащему телефону, стараясь взять себя в руки и тщательно вытирая слезы рукавом вечернего платья, чьи блески больно царапали нежную кожу щек.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК, ИЗРАИЛЬ.

Человек в черном плаще, с капюшоном, низко надвинутым на лицо, бежал по древним улочкам Яффы. Этот город в сердце Израиля, помнящий еще времена крестоносцев, был необыкновенно красив. В переводе с иврита слово «Яффа» означало «красивая», а на арабском город называли словом, означающим (в буквальном переводе) «дивная жемчужина из сердца Палестины». Но человек в черном плаще, бежавший по узким улочкам, не замечал красоты. В полуденную жару его одеяние смотрелось странно. Редкие прохожие (мало кто из туристов забредал в такие глухие углы) провожали его недоуменными взглядами.

Раскаленное солнце плавilo желтые камни, заливая нестерпимым жаром древний библейский город у еще более древнего моря. Казалось, от палящих лучей невозможно укрыться даже в тени. Посреди камней древнего города чувствовался жар пустыни, и было слышно ее дыхание- тяжелое дыхание огромного моря песка, подступающего к подошвам пришедших сюда людей. Но человек даже не думал распахнуть черный плащ из плотной шерстяной ткани- наоборот, тщательно стремился как можно глубже надвинуть капюшон на лицо. Путь его шел в глубину старого города, вернее, ближе к его окраине- в узкие улочки, спускавшиеся к песчаным

пещерам, закрытым (из- за опасности обвалов) для туристов.

Впрочем, туристы предпочитали другие места. Они облюбовали уютные кафе возле моря, спуск в старинной гавани (самой древней гавани Палестины, а, возможно, и всего человечества), оживленные кварталы с домами, полными местного колорита, и многочисленными лавками, где предлагали невероятное количество сувениров, а продавцы говорили сразу на всех языках. Туристов привлекала красота и экзотика. И, смакуя душистое вино из яффских виноградников в уютных прохладных кафе, они вспоминали те времена, когда за эту землю сражались крестоносцы и римляне, арабы и палестинцы, и мужественные первые странники, вернувшись в Эрец Исраэль... Этот город считался городом Библии, и множество священных легенд оживали на глазах посреди древних камней. Еще в Библии Яффа упоминалась как Ионпия- старейшая гавань в истории людей, а имя «Яффа» город получил в честь Иафета, сына Ноя. По легенде, именно от пристани Яффы отчалил Ноев ковчег. Город был полон библейских событий, и даже Святой Петр проповедовал в этих краях.

Современность превратила древний город в часть огромного мегаполиса «Яффа- Телль- Авив», соединив его с деловым центром Израиля Телль- Авивом, полным небоскребов, банков, машин. Скоростные шоссе соединили древний город с современным, и даже на карте возник некий симбиоз- два города в одном. Но, не потерявшись среди стекла и бетона,

Яффа стала местом отдыха не только для израильтян, но и для многочисленных туристов со всего мира, приезжающих посмотреть на город крестоносцев и словно заново вдохнуть знакомую пыль привычных с детства библейских страниц. Пройтись по улицам, помнящим древних рыцарей в блестящей броне и с огромным алым крестом на плаще, с гордостью накинутом на плечи. Стены Яффы очень долго были пристанищем крестоносцев- до тех пор, пока не пал Иерусалим.

Но человек в черном плаще так хорошо знал дорогу и бежал по таким укромным местам, что на своем пути не встретился ни с одним из туристов. Путь его лежал к неказистому глинобитному домику на задворках желтого особняка, двери которого были раскрыты настежь.

Комнаты особняка были полны гостей. Не обращая на них никакого внимания, человек пробежал через просторный, вымощенный мраморной плиткой двор (буквально расталкивая всех, попадавших на пути), обогнул сам дом и рванулся к глинобитной хижине, прилепившейся на задворках и совсем не вязавшейся с общей роскошью жилища. Толкнув деревянную дверь, он ворвался в просторную комнату с огромным окном, и с ходу выпалил:

– Пророчество... – он бежал так быстро, что задохнулся.

– Потише! – старик с длинной белой бородой и величественным (почти библейским) лицом предостерегающе поднял руку, – Ради Бога, потише! Отдышись, Михаэль, и по-

пробуй спокойно сказать то, что ты хотел.

Несмотря на то, что внешне домик выглядел более, чем убого, внутри обстановка была не столь пугающей. В комнате был большой письменный стол, на котором стоял вполне современный ноутбук, мягкий кожаный диван возле стены и множество книг, лежащих на полу друг на друге. Книг было такое множество, что все остальные предметы буквально терялись на их фоне. Несмотря на «библейский вид», старик выглядел вполне современно: на нем была рубашка защитного цвета из плотной брезентовой ткани, светлые джинсы, а на ногах – мягкие плетенные мокасины.

Отдышавшись, человек в черном плаще откинул капюшон, обнажив лицо, вся левая половина которого была изуродована чудовищным шрамом, очевидно, от сильнейшего ожога. Жуткий шрам пересекал глаз, на месте которого зияла пустая глазница. Человек выглядел так страшно, что становилось понятно, почему он прячет лицо.

– Пророчество сбылось... – он говорил хрипло, растягивая слова, но в спокойной обстановке его голос мог бы показаться мелодичным. Возможно, он был бы очень красивым мужчиной, если б не шрам, навсегда исказивший, изуродовавший его лицо.

– Сбылось? – старик усмехнулся, – ты прибегаешь ко мне с этим сообщением каждые две недели, так что я не услышал ничего нового!

– Да, я был у вас, но в этот раз... В этот раз все не так!

Это правда!

В его голосе было нечто такое, что заставило старика внимательней взглядеться в него.

– Говори!

– Знаки сходятся. Соотношение планет... Четвертая строка пророчества... Черная стрела на стене Шимора стала явью, и отражение этого появилось прямо на моем столе! Кроме того, Тора... Утром, доставая свиток, я обнаружил в центре, на строках пророчества, несколько темных капель... Что это, по- вашему? По- моему, кровь! Я пытался определить с разных сторон- кровь, на вкус и по запаху, но не свежая, как бывает сразу после пролития, а загустевшая, бурая... Но если это кровь, значит, она скоро прольется! Значит, крови прольется так много, что земля уже не сможет ее вместить, и тогда... Тогда это знаки пророчества, которое уже сбылось, и вы можете опоздать, если...

– Не спеши! – старик вновь поднял руку вверх – я просил тебя рассказать о знаках, а не делать выводы! Делать выводы предоставь мне! Если все то, что ты называешь, совпадает, эти знаки очень серьезны. Ты принес рисунок стены Шимора?

Человек что-то вынул из-под полы плаща и с почтением протянул старику.

– Вот он.

Это был древний пергамент с чернильным рисунком, изображающим схематичный рисунок какого-то строения.

Были видны лица (словно небольшие портреты) в нескольких местах, очевидно, символизирующие наскальную фреску, возможно, древнюю живопись на камнях. Через весь пергамент, наискосок по рисунку, шла жирная черная полоса, выполненная словно современным фломастером. Но это был не фломастер. Развернув пергамент на столе и внимательно взглядевшись в него, старик увидел черную полосу и невольно прошептал:

– Боже...

Потом провел по рисунку пальцем и встал:

– Свершилось. Боже, дай мне сил.

Не поворачивая головы к собеседнику, он протянул руку и властно скомандовал:

– Где Тора?

Человек в плаще почтительно протянул ему свиток. Старик изучил свиток так же тщательно, как и предыдущий рисунок. С каждой секундой лицо его становилось все мрачней и мрачней...

– Что вы скажете, учитель? – почтительно произнес человек в плаще, – это знамение, учитель?

– Не называй меня так! – старик вздрогнул, – чему я могу научить тебя теперь, когда именно ты увидел пророчество?

– Я не мог не увидеть это, учитель! Вы же знаете, я жил этим до сегодняшнего дня.

– Я помню, Михаэль! И ты сделал это. Бог дал тебе сил.

– Что теперь вы намерены делать со всем этим?

– Я не сомневаюсь, что пророчество свершилось, но... Но мы просто обязаны увидеть последнее доказательство.

Человек в ужасе отпрянул:

– Стену Шимора?! Но это невозможно! Это же смертельно опасно! Кто видел воочию стену Шимора, тот несет на себе клеймо зла!

– Мы несем на себе клеймо зла и без стены Шимора. Что, по- твоему, все это, как ни зло? Как иначе назвать то, что именно мы можем увидеть пророчество?

– Проклятие... – человек в плаще побледнел так сильно, что шрам на его лице стал серым.

Улыбнувшись, старик покровительственно положил руку ему на плечо:

– Не бойся. Видеть стену Шимора не столь опасно, как ты думаешь. Тем более что это не стена на самом деле, а целый дом... Вернее, то, что от него осталось. К тому же, я уже видел стену Шимора, и, как видишь, остался жив. Так что можешь успокоиться! Но, если ты не хочешь, я пойду один.

– Нет! Нет, я не могу отпустить вас одного! Меня проклянет весь мой род! Память моих предков отвернется от меня, если я струшу в последний момент! Я пойду с вами, а дальше будет то, что суждено! Я обязан выполнить до конца то, что мне предначертано!

– Бедный мой Михаэль! – старик с сочувствием покачал головой, – но это ведь не конец...

– Я знаю! Но все же...

– Значит, решено. Мы увидим знак, начертанный на стене Шимора, увидим своими глазами, и выполним то, что нам предназначено...

– Но как мы выйдем? В доме полно людей!

– Мой сын празднует именины. У него гости.

– И вы не среди них...

– Ты же знаешь, я не могу входить в дом. Я не имею права жить в роскоши и окунаться в богатство, я не имею права даже заходить в жилище, в котором есть роскошь, в котором есть всё... Я обречен жить в бедности, чтобы выполнить пророчество... если я отступлю от этого, меня ждет страшная кара.

– Но ваш сын...

– Мой сын- совершенно другое. Он ведь не избранный. Он построил себе роскошный и дорогой дом. Но он настолько любит меня, что не захотел со мной расставаться, поэтому выстроил свой дом рядом с моей хижинкой. Так мое жилище оказалось у него на задворках. Наверняка все его гости считают меня просто чокнутым стариком, свихнувшимся от своих книг...

– Учитель, не говорите так! Это кощунство!

– Так считают только эти простые люди. Ничего не понимающие ни в вечности, ни в жизни. Но у моего сына совсем другое понимание. Он просто считает, что у меня есть какая-то своя цель...

– Своя цель...

– Впрочем, это не важно. Разумеется, он прав. Итак, мы дождемся темноты и выйдем под покровом ее. Осталось переждать несколько часов. Садись.

Солнце полыхало над Яффой нестерпимым жаром, но в глинобитной хижине было прохладно. Старик занял свое место за столом, и принялся что-то набирать на компьютере. Человек в черном плаще опустился прямо на земляной пол.

УЛИЦА ПОБЕДНАЯ, ДВОР ДОМА № 21.

– Я не понимаю, сколько еще может продолжаться подобное безобразие! Уберет кто-то этих проклятых детей с улицы, или нет? В конце концов, должна же существовать хоть какая-то власть, или... – визгливый голос старой женщины сорвался на истерический визг, больше напоминающий голосовые вибрации какого-то взбесившегося животного, чем человеческий голос.

Голос был таким громким, что дежурная по отделению милиции (молодая девушка, работающая оператором на коммутаторе всего вторую неделю) недовольно поморщилась и отодвинула трубку от уха. Ночной звонок сам по себе был неприятен (ночью так здорово ничего на дежурстве не делать). А тут еще вот так...

Звонившая скандалистка немного передохнула, восстановила дыхание и продолжила скандал с новыми силами:

– Неужели у нас нет никакой власти?! По закону шум на улице разрешен до 10 часов ночи! А сейчас уже половина первого! Эти дети орут так, что не то что спать, просто находиться в комнате никаких сил нет! Это безобразие! Вы должны хотя бы оштрафовать родителей! Мои окна выходят во двор. Я не могу находиться в квартире! Мало того, что они орут, так еще притащили с собой магнитофон и включили

на всю мощь эту идиотскую музыку, как кувалдой бьющую по голове! Я старый человек, у меня высокое давление, мое здоровье не выносит такого напряжения! Только позавчера ко мне приезжала скорая! Мне 83 года! Имею я право на покой в таком возрасте или нет? Эти дети просто малолетние бандиты! А их родители – вообще кошмар, с ними даже разговаривать нормально нельзя, и...

– Хорошо, – вздохнув, диспетчер решила прервать этот бесконечный поток (в конце концов, прервать нужно было давно, она просто отвлеклась. На коммутаторе полиции существовало негласное правило: телефон долго не занимать – потому, что во время пустой болтовни он мог понадобиться кому-то по- настоящему), – назовите ваш адрес, имя, отчество и фамилию. К вам сейчас приедут.

По привычке чуть было не спросила номер телефона, но в этом не было необходимости: на коммутаторе были определители, и сейчас телефон старухи ясно высвечивался на табло.

– Лазарева Светлана Владимировна, улица Метростроевская... то есть Победная, д.21, кв. 8. Между прочим, мне 83 года! И вы уберете этих проклятых детей?

– К вам сейчас выезжает наряд полиции, они разберутся.

– Разберутся! Тоже мне, развели демократию! Раньше с такими никто бы не церемонился! Ведешь себя не положенным образом- отвечай по всей строгости закона! А теперь... Пока они голову кому-то не свернули, ножом не прирезали...

– Во дворе драка? – голос дежурной был абсолютно лишен эмоций.

– Вам что, сразу поножовщину подавай?! А орать под окнами старого больного человека – это что, не преступление?! Да за такое преступление в тюрьму сажать надо, а не то, что...

– Ждите. Машина выезжает, – дежурная быстро прервала поток жалоб и повесила трубку.

Она профессионально направила звонок кому следует, но, пока она передавала информацию, ее не покидало странное ощущение. Словно что-то в этом звонке было не так... Как будто кто-то намеренно коверкал голос, что ли... Но думать долго времени не было. На коммутаторе раздался следующий звонок (в коммунальной квартире пьяный муж пытался зарезать жену на глазах у соседей), девушка-оператор переключилась на другое и о звонке старухи забыла совсем. Да и в самом начале звонок вызвал у нее лишь отрицательные эмоции. Все знают, что старость заслуживает уважения, но мало кто может выносить истинную старость: скандальную, злобную, с тупым упрямством, вечными нелепыми требованиями, вспышками дурного характера (который хоть как-то маскировался в молодости) и ненавистью ко всем, кто моложе хотя бы на десять лет.

Дежурная машина полиции быстро пересекала ночную улицу. Дорогу, изрытую траншеями, обезображенную колдобинами и ухабами, совсем не освещали тусклые ночные

фонари. Вызов был достаточно прозаичный и скучный: разогнать кучку детей, загулявших за полночь, бушующих и орущих во дворе. Все, находящиеся в машине, расслабились. По крайней мере, здесь не ожидалось ни стрельбы, ни крови, ни одуревших от наркотиков придурков, у которых отказали мозги. А вид наряда в форме с оружием способен разогнать даже самых шумных подростков.

Улица Победная находилась в самом центре старого города. Она была застроена двухэтажными домами еще дореволюционной постройки. Лишенные ремонта, изуродованные огромными коммунальными квартирами, подточенные офисами, прорубленными на первых этажах (благодаря явному попустительству городской власти, бравшей за разрешения огромные взятки), разрушенные вечными ремонтами тех, кто побогаче и полным равнодушием всех аварийных служб, дома находились в таком ужасном состоянии, что в них было просто страшно жить. Дом № 21 был одним из таких.

Машина остановилась возле подъезда и двое полицейских, разминаясь от долгого сидения, вышли на ночной тротуар. Двухэтажный дом, весь покрытый огромными трещинами, был похож на покосившуюся деревянную коробку, кем-то неудачно брошенную на асфальт. Они припарковались у обочины, как раз за подъехавшей раньше них машиной такси. Пожилой таксист выключил двигатель и стал ждать – очевидно, клиента. Совершенно обыденная карти-

на. Полицейские сделали несколько шагов по темному подъезду, как вдруг старший из них (более опытный, старший и по званию, и по возрасту) остановился, внимательно прислушиваясь и хмуря брови. Дело в том, что со двора (достаточно темного — как и большинство фасадных окон) не доносилось ни звука. Темный двор поражал непривычной, пугающей тишиной.

Это было очень странно: в звонке ясно говорилось о детях, орущих во дворе, о громкой музыке... Еще раз нахмурившись, старший первым вошел во двор-только для того, чтобы застыть на месте, теперь уже вместе с молодым напарником, который уже и сам (в свою очередь) замер от удивления.

Темный двор был абсолютно пуст. В нем не было ни только детей, но даже бродячей собаки или кошки. Это был узкий дворик, достаточно маленький по своим размерам, состоящий из трех отдельных домов, не соприкасающихся между собой. В фасадном, двухэтажном доме кое-где горели окна. Так же горели они и в трехэтажном, стоящем наискосок. Третий же дом представлял собой двухэтажный флигель на подпорках, аварийный до такой степени, что был отселен. На части дома не было крыши, окна сияли черными провалами выбитых стекол, разбитых рам. Древние деревянные подпорки уже не удерживали стены, расплзающиеся в ужасающих трещинах прямо на глазах. Обитаемой была только одна квартира: на первом этаже. В окне тускло горел ночник, на

подоконнике виднелись цветы, через стекло- белые кружевные занавески. На обитой зеленым дерматином двери была отчетливо видна цифра 8. Та самая квартира, из которой поступил вызов в полицию.

Чуть поодаль от двери стояла центральная подпорка: самая массивная, крупная и тяжелая из всех остальных. Именно на нее приходился центр тяжести: она поддерживала самый аварийный участок стены.

Старший полицейский бросил невольный взгляд на темнеющее бревно, производившее достаточно мрачное впечатление. Впрочем, бревно выглядело прочным. Младший оглядывался по сторонам.

– Никого, – равнодушным голосом прокомментировал старший (за годы службы он насмотрелся и не на такое).

– За такие шуточки... – присвистнул молодой.

– Скорей всего, просто старческий маразм. Но нужно позвонить в квартиру и проверить, – шагнув вперед, старший приблизился к двери квартиры 8 и решительно нажал кнопку звонка. Молодой встал рядом с ним.

Звонок дребезжал долго, наконец послышались шаркающие шаги и недовольный старческий голос прокричал:

– Кто это?

Судя по громкости, старуха была туга на ухо.

– Откройте, полиция!

– Какая еще полиция? Пошли вон, хулиганы! А не то я сейчас настоящую полицию вызову!

– Вы уже вызвали! Откройте!

– Никого я не вызывала! Что за глупости! Убирайтесь! Я старуха, у меня нечего красть!

– А ну открывайте! Мы приехали по вашему вызову! Из вашей квартиры поступил вызов. Если хотите, вы можете посмотреть наши документы и позвонить в отделение, выяснить, направляли к вам кого-то или нет...

– Никуда я не буду звонить!

Тем не менее дверь дрогнула и на пороге возникла старуха лет 85, полная, с седыми космами, торчащими во все стороны, и злым лицом. На старухе была ситцевая ночная рубашка, сверху на плечи накинут цветастый платок. Ее злющие глазки так и пронизывали насквозь, и старшему вдруг пришла мысль, что более безопасно он чувствовал себя под дулом бандитского автомата... От старухи исходил странный заряд ненависти.

– Ну? Чего надо?

Подчиняясь инстинкту многолетней службы, старший шагнул вперед, в темную прихожую. Младший по-прежнему шел за ним.

– СТОЙТЕ! НЕ ВХОДИТЕ!!!

Вопль, полный отчаяния и неприкрытого ужаса прорезал воздух, как взрыв бомбы. Все трое обернулись на крик. Из подъезда выбежал водитель такси-тот самый таксист, который ждал на улице, в автомобиле. Его лицо было искажено ужасом- ужасом такой силы, что волосы, как наэлектризо-

ванные, поднимались над головой, а глаза казались огромными блюдцами. Все его лицо, застыв, превратилось в маску древнего, первобытного страха, и от этого зрелища кровь застывала в жилах. Он кричал, нелепо раскинув руки в стороны, и бежал к ним...

Но они не успели услышать то, что он кричал. Стена дома рухнула с чудовищным грохотом, взметнув фонтан пыли... Рухнула, погребая под камнями двух полицейских и старуху... Капли крови людей, раздавленных заживо, брызнули из- по тяжелых обломков.

ЕВРОПА, ФРАНЦИЯ. ПАРИЖ.

Дождь закончился на рассвете. Серые потоки утреннего света отразились в лужах, темнеющих на гладкой мостовой. В тумане крыши, мокрые от дождя, напоминали железные доспехи рыцарей, выстроившихся перед последней битвой.

Стало холодно. Молодой парень, стоящий возле окна, дунул на стекло, которое тут же запотело от его горячего дыхания. Затем прикоснулся к холодному стеклу пылающим лбом.

– Дождливый Париж невыносим, – человек, произнесший эту фразу, оперся о дверь, с улыбкой наблюдая за парнем возле окна. При каждом повороте его изящной, чуть удлинненной головы позвякивали массивные золотые серьги в форме тяжелых колец, вдетые в оба уха. Серьги придавали его лицу что-то экзотичное и хищное.

– Макс! Наконец-то! Где ты бродишь? Я тут с ума схожу! – парень порывисто отвернулся от окна, и весь словно расцвел, подавшись навстречу тому, кто вошел в комнату. Лицо его засветилось, распахнулось словно розовый бутон, распусившийся от дождя, а в глазах отразилось целое море-нет, океан, самой настоящей любви, не имеющей ни границ, ни полов, ни сословий.

Человек с серьгами резко захлопнул за собой дверь. И нервно опустился в кресло, причем лицо его было белым (абсолютно белым, как брюхо рыбы), а под глазами пролегли черные круги. Выглядел он ужасно.

– Я задержался, извини...

– Задержался?! Да сейчас начало шестого! Я всю ночь с ума схожу, ни на секунду ни прилег, не знал, что и думать! Что же ты, в самом деле... Не мог позвонить?!

– Да, я должен был. Извини...

– Где ты был?

– Бродил по улицам. Мне нужно было подумать.

Фраза эта, самая обычная, прозвучала как-то тяжело. Так тяжело, что парень мгновенно насторожился. Он бросил взгляд на абсолютно сухие волосы своего предмета страсти, на странное выражение лица и словно заострившиеся от болезни черты... Затем тихонько сказал неуверенным тоном:

– Макс, а ведь ты мне врешь.

Тот не ответил, что вызвало приступ нервозности, заставило даже взвизгнуть:

– Где ты был?! Ты слышишь меня, Макс?

– Извини... Со мной все в порядке.

– Нет. Это не правда! Макс, что с тобой?!

– Я был на Гревской площади, – лицо Макса стало совсем белым, – я хочу жить вечно!

– Макс?...

– Давным-давно на Гревской площади проводили пуб-

личные казни. Однажды там сожгли тамплиеров... Я был там, хотел посмотреть, а потом... Скажи, ты когда-то слышал о тайне?

– О тайне?!

– Ну да, конечно, о тайне. О тайне, позволяющей человеку чувствовать себя богом! Разве ты никогда не мечтал о бессмертии? О том, чтобы жить вечно? Разве ты никогда не мечтал о вечной совершенной любви, о той, которая делает человека свободным?

– Я не понимаю, о чем ты...

– Каждый раз, когда я танцую, я радуюсь так, как будто мне удалось удержать частичку вечности, но потом- потом приходит горькое сожаление. Сожаление о том, что все это рано или поздно закончится, и даже самые яркие цветы превратятся в прах. Все это является жестокой шуткой природы- весь этот круговорот яркого цветения и тлена, и заставляет думать о несправедливости происходящего. Меня, по крайней мере, заставляет. Ты знаешь о том, что я еврей?

– Знаю, конечно. Ну и что?

– Сегодня вечером я узнал об одном уникальном человеке, который всю жизнь посвятил поиску тайны. Вернее, множества тайн, которые совсем не были безобидны... Безобидны, как рецепт о том, как квасить капусту... Так вот: этого уникального человека звали Августин де Сан-Амьен. Он выдавал себя за рыцаря- тамплиера, хотя никаким тамплиером он не был. Но, несмотря на это, его все- таки сожгли на Грев-

ской площади. Я специально поехал туда, чтобы посмотреть на место его казни. И там я вдруг вспомнил, что я, оказываюсь, еврей...

– Макс, ты употреблял наркотики?

– Мне дали почитать некоторые места из его книги, и я задумался о бессмертии...

– Я все понял! – парень вдруг эмоционально, темпераментно и немного картинно хлопнул себя по лбу, что выдавало яркую артистическую натуру, – ты был в этом клубе! Ты снова виделся с этими людьми!

– Ну, да. А что в этом такого? Это всего лишь маленький закрытый клуб для тех, кто хочет знать больше...

– Как же ты не понимаешь! Эти люди, они просто помешаны на мистике! Они все там ненормальные, я понял еще в прошлый раз! И ты, великий артист, снова поехал к этим придуркам! Ты же звезда! Весь Париж знает, кто такой Максим Константиновский! А ты занимаешься какой-то ерундой...

– Успокойся! Я не делал ничего страшного, просто прочитал древнюю рукопись. Да, кстати, когда я уже заканчивал свое увлекательное чтение, позвонил мой агент. Мы возвращаемся домой из Парижа на следующей неделе, помнишь? И меня сразу же приглашают на какую-то крутую вечеринку в частной картинной галерее. Там будут крупные тузы-бизнесмены, политики, артисты... Мы с тобой обязательно должны быть. Это станет началом новой жизни! Мы будем

с тобой свободны! Мы узнаем высшую форму совершенства духа и любви! Разве ты никогда не мечтал об этом? О великой любви, которая изменит всю твою жизнь? О той, которую так тяжело найти? Теперь мы узнаем все это! Узнаем высшую степень свободы! – Константиновский порывисто встал, распахнул окно, – прощай, суетливый мир! Любуйся огнями Парижа!

Парень глянул в окно- и нахмурился. Уже полностью рас-
свело, стоял белый день.

Никаких огней не было.

Он пришел только под утро, когда сквозь плотные шторы с трудом пробивались тонкие полоски рассвета. От него пахло чужими духами и дорогим коньяком. Этот запах вверг ее в такой ужас, что она съежилась в постели, боясь к нему прикоснуться.

В эту холодную, постылую постель она легла всего лишь несколько часов назад. До последнего момента она продолжала ходить по квартире и во что-то верить. Нет, не в то, что он любит ее и придет. Верить в это было бы по-настоящему глупо. А в то, что в мире могут существовать для нее чудеса, что можно вычеркнуть из жизни, из памяти эти страшные часы пустоты, и вернуть все так, как было когда-то, пусть даже в придуманных ею сказках. Недаром отец называл ее сказочной феей. Почти всегда.

Но сказок не существует. Ничего абсолютно не изменилось. И когда все тело налилось каменной тяжестью, а затылок- нестерпимо болящим свинцом, она отправилась в постель, чтобы забыться сном, который трудно было бы назвать забытьем. Ее сон был больше похож на кому.

Он разбудил ее, забираясь в постель. У него была отвратительная манера становится коленями на край кровати, перегибая в свою сторону матрас. Этим жестом он постоянно ее будил. Вместе с матрасом в его сторону скользило и оде-

яло. Не стал исключением и этот раз.

Очнувшись от своего забытья, она сразу же почувствовала жуткий запах. Выделила основные его компоненты. И жуткая смесь этого запаха убила в душе ее всё. Ей было абсолютно ясно: ночь их годовщины, ночь их праздника он, похоже, провел с другой женщиной.

О том, что он ей изменяет, она задумывалась не раз. Но всегда встречала эту мысль как-то спокойно, объясняя ее издержками профессии. У него было множество богатых, известных клиентов. Он посещал ради них всевозможные сауны, частные резиденции, закрытые мужские клубы. Все это вращение в определенных кругах было важной составляющей частью его бизнеса. Смешно было бы думать, что, посещая элитные бордели или закрытые стриптиз-клубы со своими клиентами, он способен будет удержаться от искушений.

У нее хватало жизненного опыта и здравого смысла понимать, что человек его уровня вряд ли будет хранить ей абсолютную лебединую верность. Но этим фактам, этим противным эпизодам (а они наверняка у него были) она не придавала большого значения, свято веря в то, что все это — ерунда, что по-настоящему он любит только ее. То, что он тщательно скрывал свои похождения, давало ей надежду — думать, что он скрывает все это потому, что страшно ею дорожит. И терпеть такую жизнь с этой мыслью (о том, что он ей дорожит) было намного легче.

Так было до этой страшной ночи, когда он вдруг взял и плюнул на все. И само понимание этого факта наполнило ее просто лавиной нестерпимой боли. Она ни за что не смогла бы с ним говорить. А потому претворилась спящей, пока он тяжело, неповоротливо укладывался в постели.

Утром, когда она проснулась, он все еще спал. Пытаясь собраться с мыслями, она пила кофе на кухне, благодаря судьбу за то, что он спит, за эту неожиданную передышку. Ее жгла только одна мысль- поговорить, просто поговорить с отцом! Хотя бы несколько слов, только услышать его голос, чтобы избавиться от этой боли и от мучительного чувства одиночества, с которым просто невозможно было продолжать жить.

Но телефон отца не отвечал. Длинные гудки ранили ее слух. В это время отец должен был смениться со смены и давным- давно добраться до дома. После работы он никогда не спал. Он вообще плохо спал- в последние годы отца мучила бессонница. Он должен был ответить сразу же- но он не отвечал. Снова и снова, как заведенная, набирала его номер.

Чувство тревоги давно уже заползло в ее грудь ледяной ядовитой змеей. Она позвонила на городской телефон, где был установлен автоответчик.

– Папа, это я. Пожалуйста, сними трубку. Что происходит? Почему ты не отвечаешь? Мне очень нужно с тобой поговорить! Сними трубку. Папа, пожалуйста, ответь! Это очень серьезно!

Но он не отвечал. Она перезвонила еще.

– Папа, я волнуюсь. Сними трубку! Ты меня слышишь? Ответь мне! Что происходит? У тебя что-то с телефоном! Папа, просто перезвони мне, пожалуйста.

Никакого толку. Ни городской, ни мобильный телефон не отвечал. Она вдруг почувствовала такую растерянность и такую беспомощность, что ей захотелось плакать.

Легкий сквозняк и скрип двери показали, что в кухне она уже не одна. Но ей было на это плевать. Все разочарования, все ночные боли ушли оттого, что ее отец не брал телефонную трубку, не отвечал на ее звонки, и от этого она сходила с ума. Буквально сходила с ума, растворяясь с мучительном чувстве страшного безнадежного одиночества.

– Кому ты все время звонишь? – муж ее вырос у нее за спиной, и глаза его были какими-то мятыми и абсолютно не добрыми.

– Папе. Он не отвечает на мои звонки. Ночью он был на работе, но уже сто раз должен был вернуться. Что-то случилось. Мне придется туда ехать.

– Да глупости какие! Душ принимает, или просто заснул. Или выключил на телефоне звук, а включить его забыл. Сама понимаешь- у него возраст склероза.

– Папа никогда не выключает звук.

– Мало ли что может быть! Что ты ведешь себя, как глупый ребенок!

Не слушая его слов, не глядя на него, она снова набрала

городской номер.

– Папа, это я, твоя фея! Папочка, пожалуйста, перезвони мне.

– Да ты просто ненормальная! – в голосе его прозвучала злость, – совсем ненормальная! Иначе не скажешь.

Она обернулась к нему, задохнувшись от неожиданности этих слов, и просто не понимая в первый момент, что нужно на них сказать, да и стоит ли...

– Нельзя быть так привязанной к родителям! Тебе не 5 лет. В твоём возрасте все это выглядит глупо.

– Но папа...

– Если он не отвечает на твои звонки, перезвони через час. Мало ли чем он может быть занят. Это что, смысл твоей жизни?

– Я не могу через час.

– И очень даже глупо! Ты ведешь себя просто как дура. На эти твои попытки даже жалко смотреть. Ты настолько зависима от отца, что просто не способна жить своей собственной жизнью. Очнись! Хватит! Ты уже не маленькая девочка. Фей, эльфов, волшебных духов не существует! Своими дурацкими сказочками этот тупой водила просто сломал тебе мозги! Какая ты, к чертовой бабушке, фея? Приди в себя! Прекрати забивать себе мозги всякой сопливой ерундой. В конце концов, наблюдать все это закончится любое терпение.

– Твое закончилось?

– Давно уже. Поверишь или нет. Но порой я просто не могу тебя видеть, вот как сейчас!

– Или как сегодня ночью.

– Да, возможно. Твой намек на эту ночь так же нелеп, как и твое поведение с отцом. Ты прекрасно знаешь, сколько у меня дел и как я загружен в офисе. У меня важное слушание в хозяйственном суде на следующей неделе. Разумеется, я предпочел провести ночь в офисе и подбивать документы, чем провести ее с тобой, слушая твои бесконечные сопли.

Раньше все эти слова она ни за что не спустила бы ему с рук. Раньше она заставила бы его ответить за каждое слово. Но после того, как папа перестал отвечать на ее звонки, у нее словно что-то сломалось в душе. И злая суть его слов значила теперь не больше, чем бессмысленное ворчание водопроводных труб за соседской стенкой. Ей было все равно. Все вокруг вдруг стало невыносимо противным. Таким противным, что она просто не понимала, как столько времени могла находиться здесь.

Жизненный смысл оказался потерян. Поэтому, молча развернувшись, она вышла из кухни, проходя мимо него как мимо пустого места, и, вернувшись в спальню, стала быстро одеваться.

Он снова возник у нее за спиной.

– Что ты делаешь? Куда ты идешь? На работу?

– Я еду к отцу. С ним что-то случилось.

– Ты не поняла ничего из того, что я тебе сказал.

– Я понимать не хочу. Мне нет до этого никакого дела.

– Ты точно сумасшедшая. Такая же, как твой отец. Похоже, яблоко от яблони действительно недалеко падает.

Она больше не слушала его слова- потому, что вдруг поняла: во всех этих словах нет никакого смысла. Она подхватила свою огромную сумку- саквояж, с которой всегда ездила в офис. И быстро пошла к выходу. Она даже не заметила, сама ли закрыла входную дверь, или он захлопнул двери за ней, пустым недобрым взглядом гипнотизируя ее спину.

Прислонившись к стене, она стояла под дверью реанимационного блока, чувствуя такое страшное одиночество, которого не испытывала никогда в жизни. Этим одиночеством был страшный холод больничных стен, в которых, отчаявшаяся, потерянная, она металась, обезумев от горя, оставшись наедине со своей страшной бедой в равнодушном, чужом мире, навсегда огражденном от нее варварски высокой стеной.

Вход в реанимацию был запрещен. И, застыв под дверью, как изваяние скорби, она ожидала врача. Сколько времени она провела тут? Время для нее словно остановилось.

В первые минуты в больнице горло ее было сдавлено таким невыносимым отчаянием, что она боялась разрыдаться на каждом шагу. Невероятным усилием воли взяв себя в руки. Она запретила себе плакать, оставляя на душе кровоточащие, живые раны. Слезы не могли ей помочь-точно так же, как не могли помочь ни действия, ни слова.

И если бы ее то-то спросил, сколько времени она провела тут, в этой больнице, похожей на разверстые врата ада, она ни за что не смогла бы ответить, как ни ответила бы на простой вопрос о том, какое сейчас число, какой год.

Но еще хуже дело обстояло с отсчетом времени до момента появления в больнице, между тем, как она появилась

здесь, и страшным телефонным звонком. Она спускалась с лестницы, когда вдруг зазвонил ее мобильник. И она мгновенно схватила его, надеясь, что звонит папа. Но номер был не знаком.

– Алина? Это говорит коллега вашего отца по работе. Ночью с ним произошел несчастный случай. Я звоню, чтобы вам сообщить.

– Папа... Где он? Что случилось?

– Он сейчас в больнице. В третьей городской. Ночью, по скорой помощи, его доставили туда. Вы можете сейчас приехать туда, если хотите.

– Какое отделение?

– Он в реанимации.

– В реанимации? – страшные слова потрясли ее настолько, что она без сил опустилась на лестничную ступеньку, чувствуя только, как перед глазами вдруг поплыл весь окружающий ее мир.

– Да, состояние вашего отца достаточно тяжелое. Врачи борются за его жизнь.

– Что произошло? Что с ним произошло?

– Подробности вам расскажет следователь. Он приедет в больницу. Могу только сказать, что возле дома, куда на вызов приехал ваш отец, погибли два сотрудника полиции. Он тоже серьезно пострадал.

– В него стреляли?

– Нет. Мы пока не знаем подробностей. Но ваш отец в ко-

ме. Ночью он впал в кому. Мы бы хотели услышать подробности от него, если он придет в себя.

«Если»... Бросив мобильник в сумку, она помчалась на улицу, остановила первую попавшуюся машину, и в считанные минуты добралась до больницы, даже не представляя, что ожидает ее там.

– Мне жаль, но... – быстро сказал врач, опережая вопрос, – ничего нового. Это все, что я могу сказать.

Выслушав врача, она бросилась в бой:

– Я уже поняла, что нет никаких изменений. Еще поняла, что без своих коллег вы ни на что не способны. Круговая порука- друг друга покрывать! Но я хочу услышать ответ на один- единственный вопрос: что с моим отцом? Услышать что-то вразумительное хотя бы один раз! Я могу на это рассчитывать?

Врач вспыхнул:

– Вы позволяете себе небывалую наглость! Если вы думаете, что оскорбляя всех и каждого...

– Слишком много текста, доктор! Спрашиваю еще раз- что с моим отцом?

– До вас с первого раза не дошло, что он в коме?

– По- моему, не дошло до вас! Хорошо. Тогда сформулирую вопрос по- другому: почему мой отец не погиб?

– А он должен был погибнуть?

– Вы же прекрасно знаете, что был обвал, погибли двое сотрудников полиции и еще какая-то старуха, живущая в ава-

рийном доме! Так вот, я вас спрашиваю: почему мой отец, водитель такси, лежит в коме, если он даже близко не подходил к месту происшествия, к месту гибели этих троих людей?

– Но ваш отец был там... Я слышал...

– Был. В подъезде. Обвал произошёл во дворе возле аварийного флигеля. Мой отец был в машине, потом зашёл во двор. Произошёл обвал, но в него не попал ни один камень. Не попала даже щепотка пыли! И вот я спрашиваю: почему же он лежит в коме? От чего?!

– Известны случаи, когда нервный стресс, к примеру, от звука и вида падающего дома способен довести человека до...

– Не смешите! У моего отца были стальные нервы и абсолютно здоровое сердце! Он вообще был здоров, как бык! Даже простудой не болел! И вы хотите уверить меня, что этот здоровяк впал в кому из-за того, что упало несколько камней?!

– Несколько камней- это одно, а вид чужой крови, тел, раздавленных...

– Но он этого НЕ ВИДЕЛ! По вашим же собственным словам! Ведь именно вы дали заключение, что время комы совпало с обвалом почти до секунды! Мой отец не мог видеть, как раздавили людей! Что же произошло?

– Вы требуете от меня объяснить то, что я объяснить не могу! И никакая медицина не может! Разве вы ещё не поня-

ли, что с вашим отцом произошел случай, не известный в медицине! Он впал в кому БЕЗ ВСЯКИХ НА ТО ПРИЧИН! На теле вашего отца нет ни единой царапины! У него абсолютно здоровое сердце. Ни черепно- мозговых травм, ни травм спинного мозга- НИЧЕГО! Даже давление у него 120 на 80, и это в 65 лет! И несмотря на все это ваш отец лежит в самой настоящей коме, при смерти! Он не слышит, ни видит, жизненные показатели почти отсутствуют, он находится между жизнью и смертью, и может находиться в таком состоянии черт знает сколько времени! Современная медицина еще не научилась выводить людей из комы. Вы можете стоять здесь сколько угодно, оскорбляя меня и моих коллег, но пользы это не принесет. На данном этапе мы ничем помочь не можем. Мы пытались вернуть вашего отца, но ничего не получилось. Я почти в таком же неведении, как и вы. И это все, что я могу сказать! Может быть, завтра утром мои коллеги скажут чуть больше, но... но я очень в этом сомневаюсь. Пока он подключен к системе. Дальше будет видно.

– Вы хотите сказать, что абсолютно здоровый мужчина, не травмированный, не больной, без малюсенького пореза от камней или осколков штукатурки вдруг упал на асфальт в состоянии комы?!

– Именно это я и хочу сказать.

– Но это невозможно!

– В жизни бывает и не такое. Разве вы не слышали, что существует много загадок и в природе, и в медицине? Люди

знают об окружающем мире очень мало.

– У него в крови должен быть яд!

– Ни яда, ни алкоголя- мы взяли анализ крови. У вашего отца не было ни аллергии, ни обычного пищевого отравления. Ничего. С кем он жил?

– Один, после смерти мамы. Я живу отдельно. Но мы все время виделись. Отец работал в частной службе такси. Работа ему нравилась, его все любили... У него было много друзей... Может быть, его отравили ядом неизвестного происхождения?

– Могло быть все, что угодно! Абсолютно все! Хотя я в это не верю, но... Случай с вашим отцом- за гранью разумного. Сверхъестественное- понимаете?

– Вы осматривали одежду моего отца?

– Да. Вы хотите ее забрать?

– Что было у него в карманах?

– Что?! – от удивления глаза его полезли на лоб. Несколько секунд он пытался взять себя в руки, потом ответил:

– Обычные вещи. Носовой платок, мобильный телефон. Телефон вы можете забрать. И... – внезапно голос врача прервался, а по лицу пролетела мимолетная тень.

– Значит, что-то все- таки показалось вам странным. Что?

– Ну... странным я бы это не назвал... скорее, необычным...

– Что же там было?

– Перья. В кармане брюк у вашего отца были перья.

– Перья?!

– Самые настоящие. Мне показалось, что это перья белой курицы.

Двое мужчин копались в обломках бывшего дома, совершенно не обращая внимания на пыль и грязь, пачкающую их одежду. Трупы давно убрали из-под камней, бурые пятна крови засыпали песком, а всю территорию двора тщательно огородили. Несмотря на то, что во флигеле кроме старухи никто не жил и он давно был предназначен на слом как аварийный, обломки все равно выглядели печально. И даже запах вокруг был какой-то затхлый, особый. Пахло пылью, плесенью и чем-то неопределенным-будто бы кровью.

Мужчин было двое, и они совершенно не походили друг на друга. Старший был маленького роста, лысый и очень полный. Он напоминал шарик или детскую плюшевую собачку с круглым розовым носиком. На его добродушном лице блестели очки в дорогой оправе из белого золота, и, судя по одежде (безупречным серым брюкам, белой рубашке-все из самого дорогого магазина), он был очень богат и следил за собой. Впечатление богатства еще больше подчеркивали массивные золотые перстни на обеих руках, тяжелый золотой браслет на правом запястье и дорогой мобильник последней модели, выглядывающий из кармана рубашки. И было очень странно видеть такого богатого человека, ползавшего на коленях в руинах старого дома, почти по горло в пыли, не обращая ни малейшего внимания на мусор. От

физических усилий мужчина заметно вспотел. Лысина стала малиновой, так и полыхала жаром, а по лицу катились крупные капли пота. Дышал он тяжело, с присвистом. Ему было не меньше 50 лет.

Второй был молод. Некоторые люди при встрече с ним на улице не дали бы ему и 20-ти. На самом деле впечатление это было ошибочным: ему уже исполнилось 27. Это был высокий, худой парень с длинными волосами золотистого цвета и вытянутыми, угловатыми чертами лица, из-за которых его можно было принять почти за подростка. Впечатление незрелой детскости еще больше подчеркивали зеленые, чуть выпуклые глаза за толстыми стеклами очков.

Очки были совсем не такие, как у его спутника. Это были дешевые очки в простой пластмассовой оправе. Одна дужка была сломана и прикручена простой проволокой. Кроме того, стекла были такими грязными, что казались мутными. Из-за поломки очки сидели на носу косо, и парень время от времени поправлял их рукой. Рука его тоже была примечательной: грязные пальцы с обкусанными ногтями, с детскими цыпками, от чего кожа казалась сероватой. Одет парень был в рванные джинсы-такие засаленные и грязные, что казалось: поставь их на землю-так и будут стоять торчком. Каких только пятен не было на них: от масла и кетчупа, от земли и известки, от кофе и зеленки, всего и не перечесать. Майка (линялая и застиранная до блекло-зеленого цвета) выглядела соответственно джинсам. На плече зияла огром-

ная дырка. На ногах были дешевые кеды со стоптанной подошвой. Словом, двух более не похожих друг на друга людей трудно было найти!

С внешней стороны ограждения стояли их вещи: новенький черный портфель из блестящей дорогой кожи и матерчатый рюкзак из серого брезента, с клетчатыми заплатами и мягкой детской игрушкой – плюшевой мышкой.

Эти двое рядом могли бы вызвать смех, если бы не мрачная напряженность, застывшая на их лицах, да еще сосредоточенность, с которой они ползали среди руин, пытаясь что-то найти. Искали они очень тщательно: заглядывали под каждый камень и каждую грудку мусора перебирали руками.

Наконец старший, тяжело вздохнув, плюхнулся на грудку деревянных опилок, даже не глядя, куда сел.

– Всё, Алик, больше не могу! Мы ползаем тут уже битый час, а всё без толку!

– Подождите, Алексей Сергеевич! – отозвался парень, ни на секунду не прекращая своих поисков, – вчера, конечно, я быстрее ее нашел... Но если провести траекторию, определенную через косинус квадратного корня из степени квадратической амплитуды падения...

– Говори по-человечески! – взмолился толстяк, – я не в состоянии слушать эту твою тарабарщину!

– Это не тарабарщина! – веско возразил парень, – это уравнение я составил еще позавчера! Я же рассказывал вам, что проверял его тысячу раз и... словом, всё сходится!

– Да, да, ты мне говорил, – поспешно согласился толстяк, глядя на парня с каким-то подобострастием (что выглядело очень странно), – я знаю, ты никогда не ошибаешься.

Парень что-то усиленно бормотал себе под нос, и это что-то напоминало сложные математические формулы, разобраться в которых было не под силу простым смертным.

– Нашел! – голос парня прозвучал тихо, но его спутника словно подбросило в воздух, и он бросился вперед – разрывать огромную кучу мусора возле противоположной стены, довольно далеко от рухнувшего здания, из которого торчал кусок деревянного бревна. Оба копались в земле, как кроты, и вскоре их глазам предстала целая и невредимая деревянная подпорка, еще день назад подпиравшая стену аварийного флигеля. Подпорка была абсолютно не повреждена – даже под мусором. Но мусор этот был совсем не там, где упал дом...

– Вот она, – парень сел прямо на землю, – все совпадает. Я еще позавчера провел расчеты. И вот результат.

– Она целая... – протянул Алексей Сергеевич, нерешительно прикасаясь к деревянной поверхности, – но почему она здесь? Почему так далеко?

– Ну вот, – парень кивнул, – то, что и требовалось доказать.

– Ты хочешь сказать...

– То, что сказал вчера. То, что показали соседи – о том, что вчера подпорка была на месте, возле стены флигеля, а

значит, в месте, противоположном отсюда. То, что показали мои расчеты. Вы помните, что именно эта подпорка была центральной? Значит, на нее приходился весь центр тяжести. На подпорке нет даже царапины. Это означает...

– Но это просто невозможно! Невозможно! Я знаю, что ты никогда не ошибаешься, но это невозможно!

– И это означает, – сухим голосом продолжил парень начатую ранее фразу, – что стена не рухнула. Подпорку кто-то убрал. Намеренно убрал, толкнув стену. А затем взял- и отнес так далеко, вот сюда, к противоположной стене. Вы сами понимаете, что доказательства бесспорны.

Оба уставились друг на друга, причем у старшего заметно побледнело лицо.

– Кто мог это мне сделать?! Кто?! – зрачки его расширились, в голосе зазвучал металл.

– Не знаю. Но мои расчеты показывают и другое. Вот, смотрите, – парень вытащил из кармана штанов мятую порванную бумажку, на которой были написаны какие-то цифры, – вот вес человеческого тела... вес подпорки... точка приложения силы. Смотрите! Вот...

– Но получается... – его спутник побледнел еще больше.

– Получается, что эту подпорку не мог убрать человек. Человеческой силы было бы здесь недостаточно. Силы не хватило бы, даже если бы действовали трое или четверо сразу. Но факт остается фактом. Подпорка не обломилась. Подпорку кто-то убрал. А затем- унес.

– Пойдем. Возвращаемся в офис. Я должен все это обдумать.

Спутник парня обернулся только один раз, когда выходил из-под заграждения. Он бросил взгляд на деревянную подпорку, неприкаянно лежащую в глубине двора.

В его глазах был страх.

«Девушка с коммутатора» энергично водила по ресницам щеточкой туши, с трудом примостившись на узком подоконнике окна общежития. Окно на пятом этаже было распахнуто настежь, но, не боясь выпасть, девушка сидела к открытому окну спиной. Узкая и тесная комнатка общежития была завалена горами мусора и громоздкими вещами, из чего следовало, что обитательницы комнаты терпеть не могут уборку.

«Диспетчер- оператор» (так звучала ее официальная должность в полиции) была занята тремя важными делами одновременно. Правой рукой красила ресницы, левой пыталась впихнуть ненужную пудреницу в карточную коробку из-под духов, и обсуждала с подругой вслух новый косметический каталог. Подруга, развалившись на кровати, ждала, когда высохнут ее белые брюки, торжественно разложенные на стульях посреди комнаты.

К вечеру общежитие гудело, как растревоженный улей. Из окон слышалась громкая музыка. Дверь комнаты распахнулась и на пороге возник парень, живущий по соседству, с требованием одолжить утюг. Парень был довольно красив, высок ростом и хорошо сложен, но ни одна из подруг даже не повернула головы, обращая на него не больше внимания, чем на дождевые подтеки на потолке. Это объяснялось двумя

важными обстоятельствами. Так же, как и они, парень проживал в общежитии, и на нем были форменные полицейские брюки. Ни одна из подруг не упала бы так «низко», чтобы обратить свое внимание на безквартирного мента. Впрочем, он сам и не ждал этого внимания. Его так же интересовали совсем другие девушки. Девушки, у которых главным условием было только одно: они не проживали в общежитии.

Отыскав среди коробок с хламом старый уют, парень обернулся к «девушке с коммутатора».

– У вас уже была комиссия?

– Вчера, – оставив в стороне тушь, она принялась за перламутровую помаду сиреневого цвета, которая совершенно не подходила к ее костюму ярко- красного оттенка, – потолкались- и ушли. Визит весь был- минут десять. И то у начальства сидели, к нам даже не зашли.

– Ты не говорила, что у тебя неприятности! – с жадным любопытством вмешалась подруга.

– Это не неприятности, – ответила та (лицо подруги сразу же разочарованно вытянулось), – после того жуткого происшествия они все проверяют.

– А что случилось? Ты ничего не рассказывала! – подруга продолжала расспросы, скорее от нечего делать, чем от интереса.

– На вызове погибли два сотрудника полиции, – сказал парень, – кстати, из нашего взвода. Один жил тут. На третьем этаже. Хороший был парень... Поступил вызов, они приеха-

ли в квартиру, а дом рухнул. Аварийный был. Убило мгновенно. Обоих. Камнями завалило.

– Ужас какой! – подруга охнула.

– Хорошо хоть дети не пострадали! – девушка спрыгнула с подоконника, одергивая короткую юбку.

Парень и подруга посмотрели на нее очень странно, потом парень спросил:

– Какие дети?!

– Ну там же дети были... Полный двор детей. Да не смотри ты на меня так! Это же я принимала тот вызов и точно знаю, что там было на самом деле. Позвонила старуха, противная такая, склочная, орала, что дети ей спать не дают, а она больная и все такое... Ну, я и послала машину, чтобы разобрались на месте. Ужасно, конечно, Комиссия уже установила, что звонок поступил из квартиры старухи. Как в жизни происходит: жлобня малолетняя довели хороших людей до смерти! Хорошо хоть сами не пострадали.

Парень растеряно моргнул:

– Подожди... Да не могло там быть никаких детей! Точно их не было! Дом аварийный был, давно отселен. В нем только одна старуха жила, погибая. У нее был склочный характер, все не могла подобрать себе подходящий вариант жилья. А на улице никто не играл. Не было там детей! Соседи сказали...

В этот самый момент «девушка с коммутатора» взглянула на ручные часики (надо сказать- ядовитого зеленого цвета с

синими стразами), охнула и, подхватив черную сумочку, сорвалась с места, громко стуча каблучками коричневых туфелек на шпильке. Мысль о вздорной старухе, ее несуразном звонке и мифических детях со скоростью ветра вылетела из ее головы. Подруга (питая последние надежды получить удовольствие) радостно крикнула вдогонку:

– У тебя вся юбка мятая!

«Девушка с коммутатора» обернулась гордо, с достоинством:

– В дорогой иномарке это не видно!

По лестнице громко застучали ее каблучки (лифт в общедомовом здании не работал). Парфянская стрела попала в цель. Лицо подруги стало мрачным. Парень тяжело вздохнул (его последняя пассия, хоть и имела городскую регистрацию, ездила не в иномарке, а в трамвае), и поплелся прочь вместе со своим утюгом. Брюки подруги продолжали высыхать под порывами легкого ветерка, врывавшегося в раскрытое окно на пятом этаже.

Джип мчался по городскому шоссе, заметно превышая положенную скорость. Впрочем, лысый толстяк, нервно сжавший руль мокрыми от пота руками, никакого внимания на это не обращал. Он усиленно гнал вперед по инерции, словно надеясь, что шум ветра, ворвавшийся в раскрытые окна машины, наведет некий порядок в его бешенных, невероятных мыслях. Но вместо порядка в голове образовался еще больший сумбур.

Алик рассеянно скучал рядом. Он обдумывал задачу, которой занимался накануне (судя по всему, задача подходила к своему логическому завершению). О рухнувшем доме он не думал. У него было слишком мало информации, чтобы думать об этом.

Наконец толстяк не выдержал. Нервно хлопнул по рулю обоими руками, он воскликнул:

– Ты хочешь сказать, что какой-то ублюдок специально толкнул подпорку, чтобы завалить весь дом?!

Парень с сожалением оторвался от своих мыслей, но, взглянув на расстроенное лицо своего спутника, несколько смягчился:

– Похоже, толкнул. Подпорку не тащили по земле. Я посмотрел внимательно- следов этого нет. Кроме того, чтобы сдвинуть подпорку с места, понадобилась бы слишком боль-

шая сила, приложенная в одном определенном месте. И такую точку еще потребовалось бы найти. Для расчетов необходимо определенное время, и в результате они вполне могли оказаться ошибочными.

— И что все это означает?

— Моя мысль абсурдна, и, наверное, она действительно является абсурдом, но... Но мне в голову приходит только одно: кто-то взял подпорку, поднял в воздух и отнес на некоторое расстояние. Поднимая подпорку вверх, он толкнул концом стену и дом рухнул.

— Что за бред?

— Да, это бред. Я могу даже сказать больше: все это не мог сделать один человек. Это просто невозможно.

— А группа сильных людей?

— И вы хотите сказать, что эти люди пошли на такой риск, когда из любого окна двух оставшихся жилых домов их могли заметить и вызвать полицию, или, на худой конец, просто выйти из домов и устроить скандал?

— А если их приняли бы за рабочих?

— В половине второго ночи? К тому же, в домах почти все знали, что там живет старуха.

— Люди могли подумать, что она выехала. Жизнь такая тяжелая, люди мало интересуются чужими проблемами. О старухе могли просто не подумать.

— Ты знаешь, у меня появилась мысль. И звучит она так. Этим поддонкам просто надоело ждать, и они убили стару-

ху, каким-то образом разрушив дом вместе с ней. Они убили ее под видом несчастного случая. И так все и вышло- как несчастный случай! Но я этого так не оставлю! Богом клянусь- найду этих уродов и за все заставлю заплатить! Им это просто так с рук не сойдет! – он нервно сжал кулаки.

– У вас ведь были плохие отношения с матерью, Алексей Сергеевич! – парень вздохнул.

– Очень плохие! Даже больше, чем плохие! Но все равно... Все равно, я... А, какая разница! Ты и сам все понимаешь! Порой мне хотелось ее убить! Я ненавидел ее так, как никого и никогда в жизни! А вот теперь...

– Теперь вы вините себя за то, что она умерла.

– И это тоже. Все внутри жжет- если бы все сложилось по-другому, если бы, если... А... что теперь... – он безнадежно махнул рукой.

– Вашей вины здесь нет. В конце концов, если бы она сразу согласилась переехать в предложенную квартиру...

– Она не могла согласиться. Такой уж был у нее характер. Знаешь, она сама виновата во всем. Она не просто оттолкнула меня, она меня уничтожила. Разбила всю мою жизнь. Я родился во второй раз- после этого. Любой другой человек умер бы- но только не я.

– Вряд ли она хотела, чтобы вы умерли.

– Кто знает... Хотя допускаю, что ей было просто все равно. За всю свою жизнь она любила только одного человека, и никого больше- себя.

Джип на бешеной скорости мчался по городу, выбивая из-под колес фонтанчики дорожной пыли.

Охранник сидел в самом начале коридора. Вообще-то он должен был осматривать всю территорию, но ему было лень. На входе в здание тоже была охрана, и он считал неразумным проверять всю территорию еще и наверху. Да и кто мог пробраться в маленький, замаскированный офис на пятом этаже огромного делового улья, где были офисы и больше, и шикарней.

Охранник не знал, что роскошная контора на первом этаже, официальный офис холдинга- всего лишь пышная видимость. А настоящая деловая жизнь, сердце огромной компании располагалось в маленьком офисе наверху. Охранник не был проинформирован, поэтому относился к своим обязанностям достаточно прохладно. Именно потому он и не заметил красные пятна напротив кабинета директора в глубине коридора. Пятна, тянувшиеся прямо к лестнице через весь коридор.

Толстяк из джипа был директором, владельцем и главой мощного холдинга, а молодой- его правой рукой. Эта парочка была неразлучной, вызывая у всех, кому не лень, самые странные толки. На самом деле все объяснялось довольно просто: из всех выгодных и удачных инвестиций капитала холдинга молодой «чудик» (как называли его везде) был самой выгодной. Чудик был компьютерным гением и приносил фирме миллионы. Впрочем, кроме директора об этом никто

не знал.

Охранник, увидев директора с его неизменным помощником, вытянулся по струнке. Но на него никто не обратил никакого внимания. Странная парочка, переговариваясь вполголоса, как настоящие заговорщики, быстро направились вперед, к потайному директорскому кабинету в глубине. Охранник включил в коридоре свет. Именно тогда все увидели странные круги на полу. Кроваво-красные круги в белом, фосфоресцирующем, ледяном свете производили такое странное впечатление, что все остановились как вкопанные, буквально замерев...

Это были очень странные круги. Они наслаивались друг на друга, как цепь, по всей длине коридора, образуя причудливый, странный узор. На светлом линолеуме они казались фантастическим видением, пришедшим из какого-то другого мира... Причем мира, испытывающего враждебные чувства ко всему существующему здесь- потому, что круги пугали, оставляя такое тяжелое впечатление, что даже против воли вдоль позвоночника появлялся ледяной ручеек.

Директор закричал достаточно громко (и прозвучало это тоже как-то по-особому, учитывая все обстоятельства):

– Что это такое?! Что здесь происходит?!

Разумеется, риторический вопрос повис в воздухе. Ситуация была такой странной, что подобный вопрос можно было и не задавать.

Круги шли ровно, пересекая коридор, двумя линиями- от

стены до двери директорского кабинета. Между двумя линиями шли какие-то странные письма. Сначала казалось, что это просто картинки, лишённые смысла, безумные черточки без определения, без цели, но потом на ум приходила мысль о том, что все это похоже на буквы, состоящие из определенных символов, причем символы эти не существуют ни в одном языке.

Парень опустился на колени, изучая странный рисунок. Директор отреагировал быстро:

– Чем это написано? Краской? Ну, круги эти, каракули... Какой-то псих потратил не один час!

– Я бы не сказал, что псих. Выглядит так, как будто во всем этом есть определенный смысл.

– Какой смысл? Что все это такое?

Тут он угрожающе повернулся к охраннику:

– Кстати...

Охранник съёжился, словно уменьшаясь буквально на глазах.

– Я... оно...и...ничего...вот вам крест, ничего не было! Не знаю, как это появилось!

От ужаса охранник быстро закрестился в неправильном направлении почему-то левой рукой (хотя из лени не пользовался левой рукой никогда в жизни).

– Ты что тут делал, а? Почему допустил такое безобразие?!

– Да не было!.. Я территорию осматриваю каждый час...

– Когда в последний раз осматривал?!

– Час назад! По коридору прошелся и ничего не увидел!

– А потом где был?

– Да вы же видели- на месте сидел, в начале коридора!

– Я давно уже подозревал, что ты спишь на работе. Я с тобой потом разберусь! Иди на место!

Чуть не плача, охранник вернулся на свой стул.

– Лестница! – сказал парень.

– Что? – директор удивленно посмотрел на него.

– Кто-то прошел со стороны служебной лестницы. Вот, смотрите.

И действительно, рядом с дверью директорского кабинета виднелся проход.

– Что, по- твоему, все это означает?

– Хм... Если бы я был старой бабкой, живущей в глухой деревне, я бы сказал, что кто-то пытается навести на вас порчу или наслать смерть... Вообще, можно сказать, что кто-то балуется черной магией. Кого вы в последнее время уволили?

– Я не занимаюсь увольнениями лично. Холдинг большой. Но можно узнать...

– Черная магия. Другого объяснения нет. В середине-фраза заклѳтия, но что это за заклѳтие, я не знаю... А хорошо бы выяснить. Очевидно, кому-то вы здорово насолили.

– И этот кто-то решил расправиться со мной путем такой вот чертовщины?

– Зря иронизируете! В последнее время люди все чаще и чаще обращаются к услугам колдунов. Можно быть современным человеком, вести свой бизнес на компьютере, а в свободное время бегать к бабкам, чтобы снять порчу...

– Ты что, хочешь меня напугать?

– Нет. Просто сказать, что вы должны быть осторожны. Вот и всё.

– Я в эту чушь не верю! Что это за язык?

– Я не знаю. Но это не похоже на известные языки. Это не кириллица, не романские буквы, не арабские, ни иероглифы, ни иврит, ни хиндустани, ни хинди... Словом, что это за язык, я не знаю.

– А с чего ты взял, что это черная магия?

– Все сходится. Замкнутые круги. В центре- заклятие. Вы видите что-то белое по углам? Это перья. Судя по всему, перья белого петуха. Перья очень часто используют в магических обрядах. И, наконец, самое главное. Как вы думаете, чем нарисованы круги?

– Я спросил тебя об этом в самом начале! Откуда я знаю? Может, краска красная или женская помада...

– Это кровь. Они написаны кровью. Кровь живого существа. Возможно, белого петуха или собаки... Словом, все это очень плохо. Если используется кровь, дело совсем плохо. Значит, какой-то сильный обряд. Возможно, на смерть. Вы обязательно должны сходить в церковь!

– Ну спасибо, утешил! Этого мне как раз и не хватало- все

дела забросить да по церквям бегать! Ладно, сейчас пошлю уборщицу, чтобы она убрала эту гадость!

– Подождите! Надо сфотографировать! – парень быстро выхватил из рюкзака мобильник и сделал несколько снимков. Ради одного из них он нагнулся очень низко... Положив мобильник на пол, парень опустился на четвереньки и что-то осторожно выковырял из одного круга. Маленькие черные точки, переливающиеся в фосфоресцирующем свете белых ламп. Когда этих странных крошек набралось достаточно много, он пересыпал их в носовой платок, потом платок тщательно завернул и спрятал в карман. Эти странные действия не укрылись от директорского внимания.

– Что ты там нашел?

– Да так... Можно сказать, инородное тело. Кое- что, что может помочь... Узнать...

– Да не хочу я узнавать! Чушь какая-то! Я современный человек, а не какой-то средневековый крестьянин! Эй, ты! – при грозном оклике охранник подбежал как собачонка, – позвать уборщиц, и чтобы через пять минут этой пакости тут не было!

Охранник умчался выполнять поручение со всех ног. Сплюнув, директор переступил через красные круги и открыл дверь своего кабинета.

ГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Он бежал, задыхаясь. Ужас застилал глаза, заставлял сбиться на каждом шагу, и в то же время- ускорять шаг. Грудь жгло от нехватки воздуха- казалось, еще немного, и грудь просто разорвется от жуткого ощущения, расколется на множество кровавых осколков...

Он слышал их шаги за спиной. Все ближе и ближе. Нервная дрожь сотрясала все тело, заставляя забыть, что он- человек. Он больше не был человеком, только задыхающейся, обезумевшей от ужаса тварью... Он никогда не знал этого ощущения- пьянящего, всепоглощающего ужаса, похожего на черную ночь, которая никогда не пройдет.

Они приближались. Он слышал их вой. Он видел блики огней, мелькающие среди черных деревьев. Казалось, все его тело превратилось в дрожащий, пульсирующий сгусток, потерявший форму и твердость, и если б так было можно, с какой бы радостью он растворился, спрятался среди могильных камней... Зацепившись ногой за ржавую проволоку возле покосившегося могильного креста, он упал лицом в землю, но тут же поднялся, не обращая внимания на боль в ноге. Из раны хлестала кровь, но не хватало времени даже просто зажать ее ладонью. Кровь- это было плохо. Они шли на кровь.

Он продолжал бежать вперед. Справа мелькнули очертания какой-то старинной часовни. Ночью высокие памятники, кресты и ограды могил казались немymi стражами, наблюдавшими за каждым его шагом. Но у него не было времени даже подумать об этом, испугаться ночного кладбища, которое и в ясные, солнечные дни всегда навевало на него тревогу и тоску. Он должен был бежать... Бежать как можно быстрее... Бежать от того, что намного хуже, чем смерть. Из груди вырвался хрип, и в попытке его заглушить он прикусил губы до крови. Между могилами стал виден проход. Несмотря на то, что кладбище было очень старым, на нем все еще продолжали хоронить, и свежие могильные холмики, с едва утрамбованной землей, часто виднелись среди старых могил. А часовни 19 века соседствовали с памятниками новейших современных моделей, роскошными усыпальницами бандитов и представителей власти, родственники которых не скупились, обеспечивая им вечный покой. Впрочем, роскошные могильники были лишь в центре, возле церкви. В середине кладбища, там, где дорожки заросли травой, могилы были попроще, победней. Именно туда, вглубь, он спешил, в надежде укрыться от кошмара. Боль разорвала грудь мощным ударом, обожгла легкие, и он остановился, чтобы немного перевести дух... Это было лишь несколько секунд-ясных, как последняя вспышка разума, когда он понял, что его настигли... И тогда он закричал. Страшный, нечеловеческий крик прорезал ночную тьму, и медленно затих посреди

МОГИЛЬНЫХ КАМНЕЙ...

На столе звонил телефон- не переставая. Директор схватил трубку телефона и... застыл.

– Да. Да, подтверждаю, конечно. Когда я могу забрать тело? Разумеется, для похорон. Конечно, если я должен что-то подписать, я буду у вас завтра утром, и подпишу все бумаги. (пауза) Понимаю... (пауза). Нет, с этим проблем не будет. Я уже сказал: Светлана Владимировна Лазарева была моей матерью. Да, конечно, я понимаю. Хорошо. Всего доброго.

Он швырнул трубку.

– Звонили из полиции. Завтра я смогу забрать тело.

– Я понимаю, как вам тяжело... – парень осторожно опустился на краешек кресла напротив директорского стола.

– Нет, ты не понимаешь. Я давно хотел показать тебе одну вещь... (Директор достал из ящика стола что-то, похожее на кожаный бумажник). Вот, держи.

Парень развернул кожаный футляр- в нем была фотография. Это был старый снимок, сделанный множество лет назад. Молодая белокурая женщина с длинными волосами обнимала за плечи маленького, такого же белокурого мальчика лет четырех. Женщина была в летнем платье с яркими цветами. Мальчик- в белой рубашке. Сзади виднелось море и горы. Очевидно, это был Крым.

– Это фотография моей семьи. Жена и сын.

– Я не знал, что у вас есть семья. Мне казалось...

– Была. Это всё, что осталось от них. Эта фотография была сделана за год до их смерти. Они погибли. Оба. Моя жена. И мой сын.

– Как это произошло?

– Их убили. А знаешь, кто их убил? Моя мать. Да- да, ты не ослышался! Их убила моя мать. Мою жену и сына! Она убила их обоих, и это вполне благополучно сошло ей с рук.

– Так вот почему у вас всегда были такие странные отношения...

– У нас с ней не было никаких отношений- с тех пор. Я простил ее- вернее, попытался смириться всего лишь несколько лет назад. Конечно, она не зарезала их своими руками в буквальном смысле слова... Но она их убила! Господи, я сам тогда чуть не умер... Я никогда больше не женился после их смерти. У меня больше никогда не было семьи. Все, что я создал, я сделал потому, что мне некуда было уходить с работы. У меня не было дома, да и до сих пор его нет. Я проводил на работе по 20 часов в сутки и судьба словно посмеялась надо мной, осыпая богатством за все мои удачные проекты, не понимая, что я не нуждаюсь в деньгах, что эти деньги мне уже не нужны. Как будто в насмешку этих денег с каждым годом было все больше и больше. Это даже раздражало меня, ведь рядом не было самых близких людей, тех людей, которым я хотел бы их подарить...

Прошло минут пять, прежде чем он снова заговорил. Вы-

пил залпом полный стакан минеральной воды. Посмотрел в окно, походил по комнате, нервно вытер пот, выступивший на лбу. В этот момент он совсем не был похож на директора-скорей, на заблудившегося школьника, или на молоденького студента, захваченного врасплох. Его друг устроился в кресле и замер- уставился в одну точку, старался не шевелиться, чтобы не испугнуть эту призрачную, прозрачную откровенность. Он даже боялся дышать.

Наконец, пять минут спустя, выпив второй стакан воды, директор грузно плюхнулся в кресло, которое жалобно застонало под ним.

— Мы жили в нищете. В том доме, который ты видел раньше. Теперь от него остались одни руины. Признаться, я этому рад. Ютились мы в двух смежных комнатах. В одной-большей по площади, светлой, с двумя окнами, жила моя мать. Мы же трое- я, жена и маленький сын ютились в комнатухе 12 метров, полутемной, с одним- единственным окном, выходившим на глухую стену за домом. В нашей комнате постоянно было сыро и темно. Жена моя была милым, кротким человеком. У нее был очень мягкий характер. Повышать голос она не умела, никому и ничему не могла сказать «нет», абсолютно не умела постоять за себя. Есть такие кроткие, тихие, мягкие люди, от которых словно исходит особенный свет. Моя жена была именно такой. Рядом с ней я чувствовал себя просто олицетворением мужественности, мужчиной на все сто... Я защищал ее и берег, она словно

была моим ребенком... Когда у нас родился сын, сразу два солнца осветили мою жизнь. А до этого я жил в темноте. Моя мать была жутким, тяжелым человеком, любящим и признающим только себя. Мы конфликтовали постоянно, хотя наши стычки никогда не доходили до откровенной войны. То, что я привел мою жену к ней в дом, было ошибкой, но всю глубину и трагедию этой ошибки я смог осознать только потом. Я привел жену потому, что нам негде было жить.

Мы вместе учились в институте, в одной группе. Родом она была из деревни, жила в общежитии- до встречи со мной. В ее жизни я был первым и единственным мужчиной, настоящим божеством. Казалось, судьба создала ее специально для роли домашней хозяйки и матери... Она была такой мягкой и нежной... Я мог горы свернуть ради нее. Таким же мягким и нежным был наш мальчик. В тот год ему исполнилось пять. Моя мать сразу невзлюбила ее. Это была ненависть с первого взгляда. Началась затяжная, длительная война. С рождением ребенка все стало еще хуже. Мать кричала на нее, ругала последними словами, выставляла из кухни, запрещала пользоваться ванной. А моя жена не могла, не умела поставить ее на место. Только плакала, да беспрекословно сносила всё. Мы закончили институт. Я устроился на работу. Платили мне гроши. Жена моя находилась с малышом и работать не могла, ведь с ребенком нам никто не помогал. Днем я работал в каком-то НИИ за гроши, а ночью разгружал вагоны на вокзале. Но денег все равно не хватало. Моя

мать никогда не помогла нам даже куском хлеба. Мы могли голодать, но она бы даже не предложила нам поесть- хотя бы тарелку каши с черствым хлебом. Когда нищета стала чудовищной, я бросил всё и вместе с одним своим приятелем принялся торговать. Мы стали возить шмотки из Польши, Турции, торговать на базаре, и дела наши стали поправляться. Это обозлило мою мать еще больше.

Наконец я стал так хорошо зарабатывать, что моя жена могла вообще не работать, заниматься только ребенком. Я был счастлив: я никогда не хотел, чтобы она работала, ни с кем не мог бы ее делить. Мы стали собирать деньги на квартиру. И тогда... Я часто уезжал. На несколько дней, иногда на неделю. Они оставались в квартире втроем. Я так никогда не узнал о том, что произошло на самом деле. Я был в Польше, должен был вернуться дня через два... По словам матери, ребенок нагрубил ей, потом жена разбила на кухне какую-то чашку... Словом, мелочь, ерунда, но моя мать выгнала их из квартиры. Выгнала на улицу ночью. В половине второго ночи. Женщину с маленьким ребенком. Выгнала буквально взащей... Она давно грозилась, что это сделает, нас выгонит, но я никогда не воспринимал ее угрозы всерьез. Конечно, если б я находился дома, я никогда не позволил бы ей так поступить. Но меня не было. А моя жена была такой уязвимой, слишком беззащитной... Не умеющей постоять за себя... Им некуда было идти. Ночью, без денег, без знакомых, без близких. Очевидно, она решила пойти с ребенком

на вокзал, посидеть до утра там. Взявшись за руки, они тихонько пошли по направлению к вокзалу- ночью, через весь город. Очевидно, моя жена все время плакала, вдобавок, было темно, именно поэтому она не заметила тот грузовик... Их сбил тяжело груженный КАМАЗ, выполняющий ночной рейс, сбил на одном из перекрестков. Она просто не увидела машины и оба угодили под колеса. Она погибла мгновенно. Ребенок пережил ее лишь на несколько минут. Водитель КАМАЗа не сбежал с места аварии, повез их в больницу. Но сделать было уже ничего нельзя. В сумочке у моей жены был ее паспорт, поэтому их сумели легко опознать.

Когда я приехал, известие о том, что мои жена и сын погибли, мне сообщила соседка. Моя мать отказалась даже выслушать работника милиции, который пришел по адресу, и с ним говорила соседка. Именно соседка и сообщила всё мне. В морге я нашел два застывших тела. Похороны я запомнил смутно- всё взял на себя мой друг. Целую неделю после похорон я жил у него, беспробудно пил... Эту неделю я почти не помню... А на восьмой день решил явиться домой... Когда мать рассказала мне, что выгнала их ночью на улицу, что они погибли потому, что она выгнала их из квартиры, я не сдержался и стал ее бить... помню, как бил ее по лицу... Она тут же вызвала милицию, написала на меня заявление... Милиция сняла побои... Она посадила меня в тюрьму на три года. Когда я находился в зоне, она выписала меня из квартиры, а все мои вещи уничтожила.

Первый год в зоне был настоящим кошмаром. Я до сих пор не понимаю, как сумел выжить. Я много раз хотел покончить с собой, но меня словно удерживала какая-то сила... Как будто жена отводила мою руку, удерживая на земле. Мать, разумеется, не навещала меня ни разу. Она просто забыла о том, что я есть. Человек, которого я считал своим другом и который помог похоронить мою семью, воспользовался случаем и забрал себе весь наш торговый бизнес, быстро вычеркнув меня из него. В зону никто не приносил мне передачи, никто не навещал. Я словно умер для всех.

Но на второй год я познакомился с одним человеком... Он был крупным авторитетом, человеком достаточно начитанным, образованным, очень умным. В тюрьме он прятался от разборок конкурентов. Жил как король, в камере со всеми удобствами, напоминающей однокомнатную квартиру. Мы сошлись с ним совершенно случайно, быстро подружились. Ему понравилось то, что я не уголовник, никак не связан с криминальным миром. Словом, когда я вышел из тюрьмы ровно через три года, он предложил мне легализовать часть его игорного бизнеса и поработать в нем. Я успешно справился с задачей, стал работать на него. Вскоре я стал богатым человеком. Я купил шикарную квартиру, дом за городом, свою первую машину. Потом он помог мне начать собственный бизнес, одолжил первоначальный капитал. Я тесно сотрудничал с ним, имел хорошую крышу. Увлечшись делом, дающим мне возможность забыть, я проводил на рабо-

те по 20 часов в сутки, и постепенно стал одним из самых богатых и успешных людей. Вот, собственно, и всё...

— А она?

— Она не появлялась в моей жизни долгие годы. Потом, очевидно, кто-то из знакомых сообщил ей, кем стал ее сын. Однажды она появилась в моем офисе, устроила сцену- на коленях просила прощения, переполошив всех моих сотрудников... Объясняла все ошибками молодости, божилась, что осознала свою вину и стала умней... Говорила, что ходит в церковь, каяться в своих грехах, и на коленях хочет вымолить мое прощение. Она превратилась в страшную старуху. Такую уродливую, что сначала я даже ее не узнал. Конечно, сперва я ее выгнал... Очень долго прогонял... Но она появлялась все чаще и чаще... А я... Я был очень одинок. Конечно, в моей жизни было много женщин, но ни с кем я не пытался строить серьезные отношения, ведь все они были не похожи на мою жену... Я пытался найти вторую такую женщину, как моя жена, но второй такой на земле не было. Наконец я понял, что мне вообще не нужен никто. Годы шли, с ними приходило и одиночество. Я стал чувствовать себя одиноким. Она все- таки была родной человек... Словом, я ее простил. Мы почти помирились, стали общаться- ровно, без какого-то внутреннего напряжения. Я простил ее и снова допустил в свою жизнь. Она все время пыталась мне доказать, что ей не нужны мои деньги, что появилась она не из- за денег. И действительно, не взяла у меня ни копейки.

Она категорически отказывалась, чтобы я купил ей квартиру. Продолжала жить так, как жила. Однажды она призналась, что до сих пор хранит в своем шкафу игрушки, принадлежавшие моему сыну, особенно розового слоника, которого он так любил. Она клялась, что не могла предположить такого конца, что не думала ничего плохого, и утром сама бы пошла их искать, чтобы вернуть назад. Что долгие годы искала меня, следила за мной тайком, и что она вернула бы меня даже если бы я стал спившимся уличным бродягой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.